

Д.В. СУРЖИК,
к.и.н., ученый секретарь
Центра истории войн и геополитики
Института всеобщей истории РАН

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Канун 100-летнего юбилея революции 25 октября (7 ноября) 1917 года стал поводом для широкой дискуссии о ее предпосылках, ходе и последствиях (в широком смысле, включая и итоги существования социалистической системы) среди российских историков и публицистов...

Историки встретили 7 ноября 2015 года в плюрализме мнений. С противопоставлением "капиталистического прогресса" (с момента реформ Александра II) и "коммунистического регресса" выступил в интервью «Эху Москвы» академик Ю.С. Пивоваров¹. Однако, думается, что борьба "прогрессов" и "регрессов" шла в головах менее, чем 20% населения (интеллигенции, офицерства, дворянства и пр.), но не основной массы подданных империи, из которых потом рекрутировались армии гражданской войны, – крестьян. Поэтому ограничиваться таким противопоставлением – значит ограничиваться лишь борьбой элит, то есть мыслить в рамках концепции переворота. И тогда первую русскую революцию надо называть переворотом, ибо законосовещательная Дума не кардинально не изменила ни политического, ни тем более экономического устройства страны. Февраль сменил политическую, но не экономическую систему, то есть был наполовину революцией, а наполовину – переворотом. И уже Октябрь сменил экономическую модель. Так что революцией надо называть совокупность Февраля и Октября. Это была не борьба "прогрессов" и "регрессов", а борьба за свои права, за свое будущее без барской плети и без жизни в скученных бараках.

Под воздействием 100-летия начала Первой мировой войны ряд историков обратился к рассмотрению влияния этого глобального конфликта и, точнее, – армии – на революцию. Так, в своей четырехтомной монографии «Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917)» О.Р. Айрапетов убедительно показал превращение армии в политическую силу, а отсутствие значимых целей и задач войны (помимо военных неудач) вскоре привели солдатскую массу и офицерство к отчуждению от монарха². При этом автор напрямую говорит об участии чрезвычайно амбициозного

¹ *Пивоваров Ю.С.* Была ли Октябрьская революция революцией (URL: <http://echo.msk.ru/programs/year2015/1653200-echo/> Дата обращения: 11/11/2015

² Включившись в политическую борьбу, армия сама оказалась расколотой между сторонниками монархии, демократической республики и Советов, а в конечном счете – между сторонниками и противниками продолжения войны. При этом попытка Временного правительства найти опору в армии, уволив 60% офицеров, привела войска к еще большему коллапсу (*Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. С. 472, 473, 477, 541).

русского офицерства в заговоре либерально настроенных³ политиков⁴. Однако поддержка «февралистов» высшим армейским руководством была вызвана не только субъективными факторами. Как доказывает ряд авторов, снабжение Русской императорской армии оружием и боеприпасами накануне и в годы Первой мировой войны было неудовлетворительным, сохранялась широкая зависимость от поставок оружия из Франции, и главной причиной этого было слабое (по сравнению с немецкой) развитие отечественного ВПК⁵.

Помимо рассмотрения роли вооруженных сил и отдельных личностей, новым направлением для отечественной историографии революционных событий 1917 г. стало изучение национальной политики империй (прежде всего – Российской и Австро-Венгерской) с тем, чтобы вычленил «национальный фактор» в истории революций⁶.

Буквально несколько лет назад оформилась весьма сильная тенденция, представители которой заявляли о случайности революции и отказывались от какого-либо поиска объективных предпосылок победы большевиков⁷. Очевидно, что подобный «исторический нигилизм» стал следствием отказа от «магистрального пути», на котором марксистско-ленинская историографическая школа «подводила» различные, далеко не всегда значимые факты под оправдание общеисторического пути – победы определенных политических сил. С крушением этой методологии отечественная историческая публицистика скатилась в то состояние, в котором в Веймарской республике оценивали Ноябрьскую революцию 1918 г.: субъективизм вместо объективности и бланкизм, который, в отличие от первых лет демократической Германии, еще не перешел в открытое гражданское противостояние. Однако те же авторы, проведя более глубокие социо-психологические исследования, склонились к тому, что именно тяжелые условия материальные и бытовые условия толкали крестьян к нападениям на латифундии⁸, а рабочих - к политическим забастовкам⁹.

³ При этом отечественные историки подчеркивают единение внешнеполитических целей как царской власти, так и революционно-демократической – борьбу за Прованс (*Согрин В.В.* Рождение американской империи: 1898-1918 гг. Причины. Цели. Методы // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 62, 64). Более того, некоторые авторы видят и преемственность между «февралистами» и последними царскими кабинетами в вопросах государственного регулирования экономики, которое лишь подрывало народное хозяйство (*Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения. 1917–1921 гг. СПб.: Наука, 2002).

⁴ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917): В 4 тт. М.: Кучково поле, 2014-2015. Т. 1. Начало. С. 15, 13.

⁵ *Параскевов В.С.* Состояние материальной части артиллерии русской армии и ее совершенствование в ходе военных реформ 1905 – 1912 годов // Клио, 2015, № 6. С. 132 – 136; *Поликарпов В.В.* От Цусимы к февралю: царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008.

⁶ *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М.: Новый хронограф, 2010; *Ахременко Д.А., Шевченко К.В., Кривочуприн Е.Л.* Кривочуприн. Забытая трагедия русинов: национальная политика Габсбургов в годы Первой мировой войны. Брянск, 2016.

⁷ См., напр., *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны. СПб: Алетейя, 2016. С. 968, 992; *Миронов Б.Н.* Революционный сдержите шаг! // Российская газета, 7 ноября 2015.

⁸ *Нефедов С.А.* Русская революция – трагическая случайность? // Общественные науки и современность, 2017, № 5. С. 96 – 107.

⁹ *Миронов Б.Н.* Российский пролетариат начала XX века – революционный авангард, гегемон или маргинал? // Общественные науки и современность, 2017, № 3. С. 97 – 119.

Можно говорить, что «бланкизм в истории» российской революции не утвердился. Напротив, фундаментальные труды, посвященные событиям Первой мировой войны и Великой российской революции¹⁰ стремятся объективно показать многофакторность и вариативность этих событий¹¹.

Обращаясь ко всей Русской революции (1905 – 1907 и 1917 годов), на наш взгляд, целесообразно выделить пять констант, действовавших на протяжении первых полутора десятилетий XX века в российской общественно-политической жизни: раскол элит, радикализм либерального крыла политических партий, нерешенность аграрного, рабочего и национального вопросов, а также феномен «человека Серебряного века». Рассмотрим их подробнее.

Раскол элит пролегал не только между родовой и финансово-промышленной элитами, но и внутри аристократии. Дворянство также не было единым. Борьба в нём характеризовалась трениями между вдовствующей императрицей Марией Федоровной (матерью Николая II) и де-юре императрицей Александрой Федоровной (супругой последнего российского императора). Эти отношения, носившие, безусловно, личный характер, однако выходили далеко за пределы дворянских салонов и, резонируя, подтачивали доверие к Александре Фёдоровне, которое в дальнейшем только углубится слухами об ее участии в подготовке сепаратных переговоров, которые, якобы, велись председателем Совета министров Б.В. Штюрмером. Так личная неприязнь к «неудачной партии сына» Марии Федоровны стала благодатной почвой, на которой рождались самые невероятные слухи о «немецкой партии» в столице, покинутой императором в пользу Ставки.

Взаимоотношение политической и экономической (финансово-промышленной) элит к началу XX века также можно охарактеризовать как раскол и борьбу первой, представленной родовой аристократией, за свою ведущую роль против второй, требовавшей также участия в государственных делах. Между "старой" и новой (промышленно-финансовой или служилой из разночинцев) элитой. Как и ранее в Европе, техническая революция и капитализм немислимы без политического представительства новой, промышленно-финансовой "знати", и точно также, как и во всех предыдущих революциях (во Франции это противостояние растянулось на половину XIX века) старая, родовая аристократия не желала уступать свои позиции "выскачкам" из среды разночинцев на государственной службе, в банковской сфере, в промышленности.

¹⁰ Такой термин по отношению к Февралю и Октябрю 1917 г. принят в новейшей Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, принятой Министерством образования и науки РФ. См. подробнее *Шубин А. В.* Великая Российская революция. 10 вопросов. [Гриффы: Российское историческое общество, Институт всеобщей истории РАН, Общероссийская общественная организация Ассоциация учителей истории и обществознания, Государственный академический университет гуманитарных наук]. М.: ГАУГН-Пресс, 2017.

¹¹ Первая мировая война 1914 – 1918 годов: В 6 тт. / Заместитель председателя ГРК – научный руководитель В.А. Золотарев. М.: Кучково поле, 2014-2017; Россия и Европа в огне Первой мировой войны / Рук-ль авт. колл.: Д.В. Суржик. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014.

Верхи могли управлять только по-старому, по-крепостнически, игнорируя всё общественное движение второй половины XIX века, подспудным мотивом которого была борьба за человеческое достоинство разночинцев. В этом и заключалась определенная Лениным революционная ситуация, когда верхи не могут управлять по-новому, а низы не хотят жить по-старому. Просто выпороть недовольных, или расстрелять у Нарвских ворот 7 января 1905 года без каких-либо для себя последствий элита уже не могла, равно как и не могла "переступить через себя" и удовлетворить вполне здравые требования. Поэтому ожесточенная борьба была неизбежна и ее совершенно не учитывали представители либеральных политических партий. Этот урок гражданских войн и внешней агрессии, которыми сопровождались великие революции, и Английская, и Французская, - оказался невыученным приват-доцентом и лидером кадетов П.Н. Милюковым.

Говоря о либеральных, «прогрессистских» как было модно тогда говорить, российских партиях, их современники отмечали радикализм. Отчасти эта резкость требований подпитывалась высокомерным отношением «сфер», стремительно терявших связь с реальностью, а отчасти – боязнью, что Первую мировую войну царский режим выиграет и без помощи ораторов из Государственной Думы.

В этой связи показательна речь, которой в отечественной историографии уделяют незаслуженно мало внимания, - речь П.Н. Милюкова «Глупость или измена?». 1 (14) ноября 1916 г. лидер Партии народной свободы выступил с обличением правительства. Держа в руках вражескую газету «Берлинер Тагеблатт» (Первая мировая война – в самом разгаре) и используя напечатанные в ней домыслы, лидер кадетов (по прежнему названию его партии – Конституционно-демократическая) обрушился с яростной критикой на правительство, повторяя вынесенные в заголовок слова, как Катон – о Карфагене. Всего несколько месяцев назад закончился, хотя и противоречивый, но весьма успешный для России Брусиловский прорыв. И теперь лидер влиятельной политической партии обвиняет (на основании непроверенных данных из вражеской газеты) руководство страны в подготовке сепаратных переговоров и измене национальным интересам.

Что это – глупость или измена П.Н. Милюкова – каждый решит сам. Но остается фактом, что через полтора месяца после этой речи был убит Григорий Распутин – один из тех, на кого обрушился глава кадетов, а через несколько месяцев, в конце февраля 1917 г., начинаются массовые беспорядки и вооруженное восстание в Петроградском гарнизоне, а 2 (15) марта Николай II подписывает отречение. Власть переходит к Временному правительству, ведущие позиции в котором занимают либералы. Однако постоянные междоусобицы, неумение пойти на компромиссы и неспособность решить объективные проблемы страны дискредитировали «временщиков». К осени 1917 г. власть «лежала на улице» и большевики ее подобрали. Как видно, именно речь «Глупость или измена?» П.Н. Милюкова стала спусковым крючком Февральской революции, без которой не было бы Октября.

Одной из серьезных проблем России было социально-экономическое положение трудящихся. К "рабочему вопросу" мы привыкли со времен истмата, но рассматривать рабочих в аграрно-индустриальной стране следует лишь как детонатор. И рассматривать не через статистику. Как мы полагаем, рабочий вопрос "крутился" вокруг фабрично-заводских инспекций (ФЗИ).

Изначально, по законам от 1 июня 1882 и 12 июня 1884 годов фабрично-заводским инспекторам вменялось штрафовать за детский труд и заставлять промышленников развивать детские школы, тем самым занимая детей и готовя квалифицированную рабсилу. По закону "О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношениях..." обязанности инспекторов были снова расширены, и снова - в пользу рабочих. Инспектора получили возможность контролировать штрафы, которые порой ничего не оставляли от зарплаты рабочих, активно препятствовали выдаче зарплаты рабочим продуктами по завышенным ценам, принимали жалобы и отстаивали интересы рабочих перед владельцами предприятий. Как видим, власти что-то пытались сделать для улучшения социально-экономического положения рабочих.

Но 11 июля 1894 г. минфин С.Ю. Витте, которому подчинялись ФЗИ, издал новый устав. Теперь инспекторами назначаются люди с техническим образованием. Их главная цель - экономическая статистика и качество оборудования. Понятно: страна ускоренными темпами развивается, занимает лидерство по темпам роста, какие уж там заботы о людях? Таким образом, в погоне за технократией забыли о рабочих. И предприниматели стали тут же компенсировать свои издержки на них. Г.А. Гапон и С.В. Зубатов на свой страх и риск попытались решить эту проблему, создав в миниатюре механизм "государственного социализма". Но представители старых дворянских родов не собирались терпеть разночинных "выскочек" возле себя.

В результате Зубатов был уволен, а Гапон решил сделать политическую карьеру. Вначале он устроил ряд "шантажирующих" забастовок, а затем организовал шествие на Рождество 1905 года. Привыкший работать по-старому, по-крепостному, не считаясь не видя людей ни в ком, кроме себя, госаппарат решил устроить показательную порку. Получилось Кровавое воскресенье, но люди не смирились, и начались массовые беспорядки. Возникла революционная ситуация, когда (по Ленину) верхи не могут управлять по-новому, а низы не хотят жить по-старому.

Так же наплевательски, как к "рабочему вопросу", "сферы" отнеслись и к столыпинской аграрной реформе. Хотя, объективно говоря, переселить крестьян в Сибирь не удалось также и по причине подготовки к войне, которая отбирала всё больше денег и внимания. При этом, в отличие от Английской и Французской революций, в Российскую (усилиями социалистов) были вовлечены и низовые слои, народные массы. (Пусть и временный, но союз с эсерами - "главными специалистами" по аграрному вопросу - помог большевикам сформировать свою аграрную программу и тем самым привлечь на свою сторону крестьян).

Остро стоял в империи и национальный вопрос. Причем он развивался не только в автономных Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском, но и в Прибалтике и Малороссии. В частности, в последней он развивался из-за нежелания «сфер» идти на уступки и из-за их непоследовательной политики. Хотя польское национальное движение тлело всю историю Царства Польского и регулярно вспыхивало, но никаких перемен в автономной от остальной империи жизни Польши не было, а наличие собственных сейма и валюты поляков не устраивало.

Была ли возможность мирным способом усмирить западную окраину империи – вопрос в жанре альтернативной истории. Но стоит отметить и грубые ошибки властей, допущенные в отношении другого, украинского национального движения. Так, когда один из лидеров украинофилов П.П. Чубинский пытался рассказывать об украинской инаковости простым малороссийским крестьянам, его избивали и сдавали полиции. После неоднократных подобных обращений полиция установила над ним негласный надзор. Но император Александр II, решив быть либеральнее своего отца, Николая I, снял все ущемления в правах Чубинского, перевел его в столицу и всячески поощрял его этнографические исследования.

Наконец, эпоха увядания наложила свой отпечаток. Типичным персонажем начала XX века стал, как охарактеризовал его Феликс Разумовский, "человек серебряного века" - потускневший, не видящий цели своей жизни интеллигент, представитель уходящего мира. Меланхолик, он не желает что-либо исправлять, он вечно ноет и плачет. Иногда, правда, ударится в спиритуализм или эзотерику - но это так, для смены обстановки. Может, поддавшись глухой злобе на весь мир, выступить с пламенной антигосударственной речью. Но не более того. Человек, уставший от самого себя. Отчасти таким и был сам Николай II, который примерял старые шаблоны неинтересного ему поведения государственного мужа и, конечно, не мог стать харизматичной личностью, своим примером подбадривающей и вселяющей благоговейный трепет подданным. Раздавленный семейными неурядицами, он вызывал сожаление, а его старые шаблоны "пиара" и политеса только раздражали. В его грустной роли всё было искренне: и грусть о злой судьбе, так рано лишившей беззаботной юности, и грусть об отсутствии наследника и его болезни, и желание предстать великим полководцем, ради которого он покинул столицу ради нескольких часов дежурных докладов о положении на фронтах¹². Только не было в императоре конструктивного, положительного и созидательного начала, а самоедства у русского народа и без этого всегда хватало. Отсюда, из непроглядного мрака «декадентского болота», бежали Блок и Маяковский, другие литераторы, требовавшие очистительной революционной грозы.

¹² См. примечательный сравнительный анализ двух Верховных Главнокомандующих (Николая II и И.В. Сталина): *Пахалюк К.А.* Что делают Верховные в окопах мировой войны. Николай II и Сталин: опыт символического анализа (<http://www.odnako.org/blogs/chto-delayut-verhovnie-v-okopah-mirovoy-voyni-nikolay-ii-i-stalin-opit-simvolicheskogo-analiza-1/> / Дата обращения: 23.10.2017).

Но Россия не была здесь одинока: неверие, атеизм, отказ от прежней морали и увлечения язычеством были общей болезнью Европы. Разве что у той не было мессианства Льва Толстого. Но неоязычество и тяга к иррациональному были. Вспомним свастики на шлемах кайзеровских солдат, банкнотах Временного правительства и на стенах Ипатьевского дома – последнего прибежища царской семьи...

Годовщина Октября 1917 г. и последовавшей за ним Гражданской войны, как видим, вызвали оживленную дискуссию в современной российской интеллектуальной сфере. С анализом российской медиасферы о предпосылках, событиях и последствиях Русской революции (1905 – 1907 и 1917 годов) выступил политолог, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2-го класса М.В. Демури́н. И призвал отказаться от огульного обвинения какой-либо одной стороны конфликта: «Конечно, революция и Гражданская война – это трагедии. Но их корни, повторю, вовсе не в том, что произошло в октябре 1917 года, а в общественном расколе, возникшем в России задолго до этого. Большевики, как и социалисты-демократы, а до них народники, декабристы, Пугачёв и так далее, появлялись в уже разделённом обществе. Возлагать вину за этот постоянно углублявшийся раскол только на советскую власть – как минимум упрощенчество. Полагаться на тот или иной вариант «реставрации» – путь в никуда». Одной из центральных его идей является ответственность элит за развитие страны не только перед Богом, но и перед народом, а также попытка понять революцию как своего рода борьбу за человеческое достоинство, против барской плети¹³.

Действительно, империя (и царская, и советская) – это не монополия одной семьи или клана, а труд и достояние всего народа. Почему надо говорить горькую правду. Нам необходимо воспринимать свое прошлое без мифов и модернизации, когда некоторыми неглубоким комментаторами Февраль и Октябрь называются «майdanом своего времени», а либеральные деятели и вожди социалистов – агентами иностранных разведок. Эти мифы, развеянные еще в 1920-х годах, усиленно насаждаются российскому обществу сегодня. Почти так же, как и шпиономания в Советском Союзе 1930-х или Соединенных Штатах второй половины 1940-х годов. И во всех случаях «охота на ведьм» не приводила ни к чему хорошему.

Поэтому надо не беречь едва зарубцевавшиеся раны, надо жить дальше, воспринимая всю правду нашего прошлого для того, чтобы не быть страной с непредсказуемым прошлым. Достижения и недостатки были и в Российской империи, и в Советском Союзе, иначе бы такие мощные государственные системы не ушли бы в прошлое. Мы же – наследники тысячелетней истории российской государственности – обязаны помнить все уроки нашего прошлого.

¹³ Демури́н М.В. Октябрь-17 и элиты // Литературная газета, № 41 (6529), 21 октября 2015.